
МЕСТО ИРОНИИ В РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

А.А. Горностаева

Кафедра общепереводческой подготовки
Факультет межкультурной коммуникации
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

Статья посвящена использованию иронии в политическом дискурсе. Материалом для анализа послужили публичные выступления современных российских, английских и американских государственных деятелей и политические интервью. Целью исследования явилось выяснение совместимости иронии и политического дискурса и изучение влияния использования ироничных высказываний на создание речевого портрета политика. В статье делается вывод о том, что в современном политическом дискурсе, как российском, так и в британском и американском, ирония уместна, полезна, иногда необходима. Поскольку политические дебаты в современном мире все чаще имеют вид ток-шоу, а политическая информация граничит с развлечением, широкое развитие получила тенденция использования иронии и юмора в политическом дискурсе. В речах государственных деятелей имеют место как иронические заготовки, так и экспромты, более того — часты случаи ненамеренной, случайной иронии. Умелое использование иронии, знание ее механизмов и закономерностей позволяет сделать речь политика яркой, обращенной и убедительной. Ирония помогает обосновать свою позицию и завоевать доверие аудитории. Это касается как русского, так и британского и американского политического дискурса.

Ключевые слова: ирония, юмор, политик, политический дискурс, речевой портрет.

1. ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Понятие политического дискурса в научной литературе неоднозначно. Традиционно его определяют как разновидность идеологического дискурса, основное назначение которого состоит в борьбе за власть [2; 11], коммуникацию, имеющую своей целью завоевание и удержание политической власти [3], деятельность, направленную на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе [9], при этом концепты «власть» и «политик» относят к его базовым концептам [4].

Дискурс понимается как вербализация определенной ментальности; такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках. Действительно, влияние на собеседника и, в глобальном масштабе, на народные массы, формирование общественного мнения и определенного отношения можно назвать отличительной чертой и основной задачей и политики, и политического дискурса.

Характер политического дискурса во многом определяется характером отношений между коммуникантами, обстановкой и культурным уровнем собесед-

ников. Политический дискурс неоднороден. Так, исследователи выделяют такие речевые жанры, как политический памфлет, политическая антиреклама, политическая карикатура, партийная программа, лозунг политический, лозунг на демонстрации и др. [6]. Кроме того, исследование политической коммуникации в тесной связи с иронией предполагает фольклорное понимание политического дискурса, то есть подход к нему как к вербальной культуре, охватывающей весь этнос, элементы которой обнаруживаются в самых разных социальных и профессионально-бытовых слоях общества. Слагаемые этого дискурса разнородны: канцелярит и мат, анекдот и политический скандал, слухи и лозунги, частушки и т.д. Словом, это то, что исследователи называют неформальной политической коммуникацией [2. С. 9], которая разнообразна и с трудом поддается классификации.

Каждая разновидность политического дискурса определяется своим стилем общения, что диктует выбор соответствующих языковых средств для каждого речевого акта. Некоторые исследователи (напр., [23]) полагают, что вся история политической мысли — это история политического дискурса, то есть изменение речевых актов (устных или письменных), выполненных в рамках определенных конвенций, и изменение условий допустимости этих речевых актов. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Политический дискурс — это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом [3], институциональное общение, которое, в отличие от лично ориентированного, использует определенную систему профессионально ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией) [8].

Политические тексты имеют содержательный и целевой признаки. Основной содержательный признак политических текстов — «это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества. Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [12. С. 8]. Таким образом, центральное понятие в политической коммуникации — это личность адресата и способы его убеждения.

2. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современный политический дискурс по своим характеристикам все больше общего имеет с развлечением, а политические дебаты приближаются, по сути, к своего рода шоу. Отношения между властью и субъектом понимаются как сугубо ролевые, что позволяет делать утверждение о театральности политического дискурса. Как отмечают исследователи, театральность политического дискурса связа-

на с тем, что одна из сторон коммуникации — народ — выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действие [14]. Говоря о развлекательной стороне политических дебатов, необходимо отметить, что все большее распространение получает тенденция «заигрывания» политиков с аудиторией, их язык становится излишне сниженным. Еще несколько десятилетий назад исследователи отмечали широкое распространение такого вида политического юмора, как политическая брань, который в демократическом обществе становится все более популярен, наряду с известными формами юмора — шутками, остротами, анекдотами, сатирой, карикатурами: “Political humour takes the forms of jokes and witticisms, anecdotes, satires, dramatic comedy, cartoons, caricatures and perhaps the most common form, political invective. The pervasiveness of the latter may prove to be of particular importance for democratic policies” [24. P. 24].

В настоящее время многие политические дебаты утрачивают официальность и серьезность, приобретая вид ток-шоу, изобилующего провокационными шутками с использованием ненормативной лексики. Здесь юмор выполняет такую функцию, как проявление превосходства. Тиражирование шуток политиков (успешных и неудачных), спунеризмов и косноязычия вызывает смех не только из-за вольной или невольной ироничности их высказываний, но и из-за того, что позволяет публике символически «подняться» над своими правителями. Некоторые политические деятели надолго задерживаются на политической арене именно благодаря умению веселить окружающих и шокировать их своим вербальным и невербальным поведением. Политические обозреватели и журналисты зачастую стараются пригласить для интервью именно таких гостей, ожидая очередного шокирующего выступления для развлечения публики. Возможно, именно поэтому ирония и сарказм занимают значительное место в политическом дискурсе. Исследователи указывают на стирание границ между политическим дискурсом в общепринятом смысле и развлечением, что помогает политикам укрепить свой имидж при помощи чувства юмора: “...the blurring of boundaries between conventional political discourse and entertainment... Politicians try to boost their image by showing off their sense of humour...” [19. P. 218].

Одной из особенностей политического дискурса является его экспрессивность, апеллирование к аудитории. Манипулирование общественным сознанием власть осуществляет с помощью экспрессивных средств языка, так как часто аудитории важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным. По замечанию исследователей, экспрессия политического дискурса является не стилистическим приемом или средством, а нормативным фактором его синтаксиса [13. С. 265]. Внешней формой выражения внутреннего эмоционального напряжения являются следующие языковые знаки: экспрессивный вокабуляр, экспрессивный синтаксис, стилистические приемы, среди которых большее место по частотности занимает ирония.

Поскольку все больше возрастает потребность общества в восприятии политических новостей в виде шоу, наряду с эмоциональной неуравновешенностью,

напряженностью и враждебным отношением к собеседникам, политические дебаты все больше приближаются к развлекательному жанру и даже получили специальное название “infotainment” (information + entertainment): “But even if citizens are interested or concerned, conventional information formats do not have equal appeal to various social and age groups, and many seem to be more responsive to the so called “soft news” or “infotainment” (Даже если граждане заинтересованы, или затронуты их интересы, обычные информационные форматы не имеют одинакового влияния на разные социальные и возрастные группы, многие из которых готовы воспринимать только так называемые «шоу-новости» или «информационно-развлечение») [19. Р. 218]. Исследователи отмечают значительное распространение в СМИ шуток за гранью приличия [17], непolitкорректного юмора и черного юмора [18; 22]. Это касается как российского, так и британского и американского политического дискурса.

Одним из важных компонентов в сфере деятельности любого политика или государственного деятеля является публичная речь. Это не только официальное выступление политика, но и в некоторой степени его «языковое лицо», которое в свою очередь работает на создание определенного имиджа. Речь политика в большей степени, чем речь и поведение людей других профессий, запрограммирована, подчинена ритуалу. Слушающему также известен этот ритуал. Слушающий рисует себе образ говорящего по определенному стереотипу, устойчивому представлению о каких-либо явлениях или людях, свойственное ему как представителю той или иной группы.

Выступления на публике — это хороший способ не только заявить о себе, но сделать грамотную и яркую речь своей «визитной карточкой», своеобразным «фирменным знаком» того или иного политика. И не последнюю, а зачастую и одну из самых важных ролей здесь играет правильный выбор и грамотное использование языковых средств и стилистических приемов.

Публичное политическое выступление планируется заранее. Как правило, сначала придумывается костяк публичной речи, на который нанизываются определенные аргументы и факты, затем добавляются образные и экспрессивные средства языка, в конце вносится какая-либо «изюминка» — фирменный языковой знак того или иного политика, неотъемлемая часть его речевого портрета. Но не все можно учесть заранее. Важной составляющей выступления является импровизация, экспромты при ответах на неожиданные вопросы. Именно здесь проявляется основное ораторское умение политика, и ирония и юмор помогают построить реплики наиболее ярко и броско.

Обратимся к понятию речевого портрета. Этот термин в отечественной лингвистике связывают с именами М.В. Панова, Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеевой, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Л.П. Крысина, Т.М. Николаевой, К.Ф. Седова, В.Д. Черняк и др. Лингвистический термин «речевой портрет» прежде всего фокусирует свое внимание на способности языкового облика человека отмечать доминантные личностные смыслы. Речевой портрет представлен тремя аспектами характеристики языковой личности: лингвокогнитивным, ком-

муникативным и индивидуально-речевым. Лингвокогнитивный аспект речевого портрета политика связан с описанием ключевых идеологических концептов в дискурсе личности; коммуникативный аспект раскрывается на базе понятий речеповеденческих стратегий и тактик. Индивидуально-речевой аспект опирается на понятие речевой компетенции личности и обеспечивается стилистической квалификацией частотных в речевой практике личности языковых единиц.

В соответствии с речевым портретом политика у слушающего складывается определенное мнение о говорящем. Аудитория оценивает речь политика не только с точки зрения смысла и формы, а также этически и эстетически.

3. ПОНЯТИЕ ИРОНИИ, ЕЕ МЕСТО СРЕДИ СМЕЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ, ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ

Ирония является предметом изучения лингвистов, философов, культурологов, социологов. Подходы к ее изучению отличаются многообразием и разноплановостью. Ирония рассматривается в философско-эстетическом, литературном, лингвистическом аспектах. Исследователи определяют ее как категорию комического, а также как философско-эстетическую категорию и феномен культуры (Ю. Боров, Б. Дземидок, К.А. Воробьева, С.И. Походня, В.Я. Пропп, О.П. Палкевич, В.М. Пивоев, S. Attardo и др.)

Мы разделяем точку зрения на иронию тех авторов, которые считают иронию одним из важных атрибутов речевого поведения, зависящим от соблюдения или нарушения этических норм, от специфики ситуации общения, от отношений участников коммуникации (О.П. Ермакова, В.М. Пивоев, Т.Ф. Лимарева, Ю.М. Скребнев, Г.Л. Прокофьев, Т.Ю. Чубарян, К.М. Шилихина, S. Attardo, L. Hutcheon и др.).

Как и многие современные исследователи, мы считаем целесообразным в определении иронии поставить под сомнение ее трактовку как только противоположного значения и исключительно отрицательной характеристики объекта. В современной лингвистике этот термин трактуется намного шире. Например, R. Gioga полагает, что ирония основана не только на противопоставлении, но и на преувеличении и преуменьшении признака, и приходит к выводу, что при существовании очевидной связи между тем, что сказано, и тем, что подразумевается, эти компоненты не могут замещать друг друга [20]. L. Alba-Juez замечает, что ироничный говорящий не обязательно передает противоположное значение; ему не обязательно ссылаться на предыдущее высказывание, он также не всегда использует притворство; ироничный говорящий может делать все, кое-что или ничего из вышеперечисленного, и все же оставаться ироничным: “When a speaker is being ironical he is not always trying to convey the opposite of the proposition or the literal meaning of the utterance; nor is he always echoing some previous utterance; nor is he always pretending. The ironic speaker may be doing all, some or none of these things and still be ironic” [15. P. 14].

Функции иронии намного шире, и чувства, передаваемые с ее помощью, богаче и разнообразнее, чем просто негативное отношение. Исследователи (К.А. Воробьева, О.П. Ермакова, Т.Ф. Лимарева, Г.Л. Прокофьев, Ю.М. Скребнев, К.М. Шили-

хина, В. Komlosi, P. Grice, J.R. Martin, P.R. R. White и др.) подчеркивают, что негативная модальность не является обязательной, и выделяют разнообразные функции иронии: насмешка, похвала, смягчение остроты высказывания, шутка, игривость, проявление цинизма, снятие ненужного пафоса, проявление корпоративности в диалоге, стимулирование реакции адресата и др. В нашем исследовании иронии мы опираемся на ее определение О.П. Ермаковой как языковой манипуляции [7], а также на мнение В.В. Дементьева, включающего иронию в список самостоятельных речевых жанров [6], и предлагаем следующее определение:

ирония — речевой жанр, имеющий в основе языковую манипуляцию, которая заключается в употреблении слова, выражения или высказывания в смысле, отличном от буквального, выполняющий функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего. Ирония является отражением менталитета народа и имеет этнокультурные особенности [5. С. 24]. Ирония является категорией дискурса — продуктом совместных усилий говорящего и слушающего.

Ирония находится в кругу смежных явлений. С одной стороны, она пересекается с другими формами комического: шуткой, юмором, сатирой, сарказмом, анекдотом, с другой, — имеет свои отличительные особенности.

Исследователи иронии (Ю.Н. Варзонин, Воробьева, Л.И. Тимофеев, В.Я. Пропп, Н. Nicholson и др.) не имеют единого мнения о границах иронии. С одной стороны, ее пытаются выделить в самостоятельную форму комического наряду с юмором, сатирой и сарказмом, с другой — объединить с шуткой и анекдотом и отнести к юмору. Большинству исследователей юмор представляется явлением более широким, чем ирония, затрагивающим разнообразные стороны жизни, использующим большой набор средств выражения. Юмор и ирония имеют много общего, и в то же время каждое из этих явлений представляет собой отдельный жанр, основное различие которых проявляется в функциональном аспекте.

По нашему мнению, функции иронии, на которые указывают исследователи, можно свести к следующей классификации: выражение насмешки, защита, самовыражение, оптимизация межличностных отношений и некоторые другие (подробнее см. [5. С. 108—113, 147—157]).

Со времени появления иронии в античности ее техника постоянно изменялась и усложнялась и продолжает развиваться до сих пор. Исследователи утверждают, что ирония постепенно превращается из стилистического приема в способ мировосприятия, особенность человеческого характера или даже отличительную черту поколения. Из-за разнообразия иронии представляется весьма сложным выделение определенных законов ее функционирования.

Языковые механизмы иронии многообразны и многоплановы; они действуют в разных стилях языка и применимы к различным речевым актам. Практически каждый речевой акт при определенных условиях может быть ироническим: сообщение, извинение, вопрос, разные виды побуждений и т.д. Для бытовой текстовой иронии (разговорный стиль) нередки случаи иронического совета, когда то, что рекомендуется, делать в реальности как раз не надо.

Выбор механизма иронии, а также частотность употребления иронии в различных видах речевых актов зависят от ситуации, стиля общения и цели, постав-

ленной говорящим. Ранее мы уже выделяли наиболее часто используемые, на наш взгляд, механизмы иронии [5].

1. Сопоставление несопоставимого, ирония парадокса.
2. Нарушение коммуникативных ожиданий.
3. Двусмысленность иронии.
4. Открытие очевидного.
5. Отрицание очевидного.
6. Категоричное противоречие.
7. Неожиданная смена стилового регистра.

Действие этих механизмов иронии обеспечивается языковыми средствами выражения, такими как: гипербола, литота, метафора, омонимия, полисемия и др. Механизмы и языковые средства выражения иронии разнообразны и могут комбинироваться для достижения оптимального эффекта.

4. ИРОНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПОЛИТИКА

Умелый оратор искусно вплетает иронию в официальную речь. При помощи иронии можно переключить внимание аудитории, акцентировать определенные моменты своего выступления, разрядить напряженную обстановку. В диалоге с оппонентами ирония может являться вежливым способом сказать грубость и реализуется за счет подразумеваемого противоречия: “irony is triggered by inferred contradiction” [16. P. 145].

Каково место иронии в речевом портрете современного политика? Рассмотрим речевые портреты некоторых российских, британских и американских официальных лиц и попытаемся оценить место иронии в них.

В.В. Путин, Президент Российской Федерации. В.В. Путина можно характеризовать как человека «гибкого», готового приспособиться к различным ситуациям. Тем не менее, для его речи характерен жесткий контроль за содержанием и формой посылаемых речевых сообщений (часто встречающаяся фраза «буду краток»), снижение личностного начала (В.В. Путин очень редко употребляет местоимение «я», предпочитает «мы» и преимущественно строит предложения неопределенно-личные или безличные). Речь Президента литературная, нормативная, в большей степени книжная, чем разговорная. Тем ярче и острее звучат на фоне такой грамотной речи «путинизмы», представляющие собой сниженную лексику, вкрапленную в литературный контекст. Например, фраза: *Я не скажу, что существуют два непримиримых врага, с одной стороны — государство, а с другой — олигархи. Я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьет всего один раз. Но по голове.* — начата вполне серьезно, а завершается ярким ироническим зрительным образом. Часто иронические высказывания Президента основаны на механизме сталкивания противоположных смыслов: *У нас страна огромных возможностей не только для преступников, но и для государства;* или: *Над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, думают миллионы* (преступники — государство, принять закон — обойти закон).

От многих своих предшественников Путин отличается еще и тем, что, будучи главой государства, создает образ жесткого носителя языка, речевого мачо. Исследователи (например, М. Кронгауз) полагают, что это — комбинация сознательно создаваемого образа и естественных речевых особенностей нашего национального лидера. Используя в своей речи меткие выражения, нестандартные лексические ходы с комическим эффектом, В.В. Путин полностью сознает суть и смысл сказанного. Политический дискурс главы российского государства отличается продуманностью и следует заранее спланированной стратегии. Реакция этого оратора, часто неожиданная для собеседников, является уместной и целесообразной, работает на достижение определенного эффекта.

Из наиболее запомнившихся «путинизмов» можно отметить знаменитое *мочить в сортире, замучаетесь пыль глотать, шакалят у иностранных посольств, уоконтранупнуть* или недавнее слово *отбуцкать*. Примечательно, что автор этих лексических единиц не останавливается и постоянно радуется аудитории новыми изобретениями, полными иронической характеристики описываемых явлений. Именно они остаются в народной памяти как характеристика речевого портрета политика.

Сторонники другого государственного деятеля — *Г.А. Зюганова, лидера КПРФ*, высоко ценят его умение общаться с избирателями и подчеркивают, что Зюганову не нужны «спичрайтеры», к месту вставляющие в его выступления посылки и прибаутки, он сам ими наполнен, сам — мастер живого и острого слова, мастер анекдота, любит припечатывать оппонентов [http://polbu.ru/lisovsky_politadvert/ch12_all.html].

PR-проект КПРФ «Анекдоты от Зюганова» в марте 2007 г. стал одним из этапов агитационной кампании партии перед выборами в Государственную Думу. Исследователи отмечают, что издание книги «Анекдоты от Зюганова» и выступление политика в юмористическом ключе перед широкой аудиторией оказались удачным предвыборным ходом и обеспечили дополнительное внимание журналистов [1]. Подтверждением остроумия лидера КПРФ может служить его удачная шутка по поводу предвыборных плакатов Б.Н. Ельцина «Москвичи свой выбор сделали» (на них Ельцин пожимал руку Лужкову). На одной из пресс-конференций Зюганов сказал: «Вот Ельцин уже завесил всю Москву щитами, на которых с ним прощается Лужков». Президентской команде пришлось за ночь наклеить на все щиты прозрачную пленку со слоганом «Только вместе!».

Из наиболее известных иронических высказываний Г.А. Зюганова можно привести следующие:

Как теперь называть Городской Отдел Полиции? ГОП? А гаишников? ГОП-СТОП? Наш народ миролюбив и незлобив. 800 лет провел в походах и боях. Ельцин все больше превращается в дубину господина Чубайса. У КПСС были гениальные идеи, решили строить царство небесное не на небесах, а на земле.

Наша задача — провести действительно демократические выборы и не дать возможность «Единой России» прикрыть свой голый зад каким-то фронтом. [<http://www.aphorisme.ru/by-authors/zyuganov/?q=11717>].

В данных фразах используются механизм сопоставления несопоставимого (миролюбив — походы и бои, царство небесное — на земле), двусмысленность (отдел гаишников — гоп-стоп), механизм использования другого стиливого регистра (гаишники, голый зад). Интересна изобретенная Зюгановым ироническая метафора — «дубина Чубайса».

Подарком для лингвиста можно назвать речь **В.В. Жириновского**. Исследователи называют его блестящим оратором, который может противоречить себе в двух соседних фразах и тем не менее быть убедительным [10]. Этот политик мало заботится о литературной норме, его главная задача — эмоционально подавить собеседника, он говорит убедительно (хотя часто нелогично), очень ярко. Ирония Жириновского — не продуманный прием, а скорее экспромт, комический эффект которого часто возникает помимо желания говорящего. Вот примеры некоторых «жиринизмов»:

Мне Саддам Хусейн ни одного динара не дал. Если бы дал, я бы взял.

У меня чистые руки, но они будут в крови, если я стану президентом.

От чего коровы с ума сходят? От британской демократии.

Восстановите гимн, и страна скажет: «Не надо зарплат».

Мы разъясним нашему народу, что такое русский народ. Это дикость вообще!

Мы должны любить родину и постоянно играть на том плохом, что есть в народе. Такова участь оппозиции.

Нигде не сказано, что надо делать во время исполнения гимна — стоять, лежать или ползти. Надо Родину любить.

Верхней палатой руководит Миронов. Ведь половина — уголовники. Четырех они уже сдали в тюрьму. Просто неудобно полпалаты сдавать. Пока, для видимости, они сдали четырех, потом просто распустият и наберут новых, уже почище. [<http://citatnik.eu/citaty-zhirinovskij.shtml>].

Как видим, «жиринизмы» отличаются неожиданностью, отсутствием логики и часто ненамеренным ироническим эффектом. В высказываниях этого оратора наблюдается частое нарушение понятийных клише, например, во многих фразах сквозит презрительное отношение к народу. Трудно сказать, что преобладает в «жиринизмах» — ирония или цинизм.

Заслуживают внимания и «черномырдинки». **В.С. Черномырдин** представлял собой уникальный пример оратора. Высказывания этого оратора, как и у В.В. Жириновского, алогичны, что влечет за собой комический эффект. В речи Черномырдина ирония создается не благодаря, а вопреки желанию говорящего. Его косноязычные, но при этом полные иронии афоризмы весьма популярны. Например, самый известный: *Хотели как лучше, а получилось как всегда*. Или: *Никогда такого на Руси не было, и вот снова*. Удивительно, как косноязычие этого политика приводило к глубоким и ярким высказываниям. Вот показательный пример ненамеренной иронической двусмысленности: *Депутаты все высказались, чтобы я шел. Избирался, точнее*. Нечаянная ирония В.С. Черномырдина — это, чаще всего, ирония двусмысленности, которая невольно присутствует во многих его высказываниях и интерпретируется аудиторией.

Как видим, речевые портреты российских политиков разнообразны, и каждый из них обладает определенными особенностями. Неслучайно исследователи отмечают, что государственного деятеля легко опознать по его речевому портрету [10]. То же можно сказать и об английских и американских деятелях — речь почти каждого из них отличается характерными индивидуальными особенностями. Тем не менее, необходимо отметить, что русский, английский и американский политический дискурсы отличаются определенными характеристиками, свойственными той или иной лингвокультуре. Это объясняется уникальным присущим каждой культуре стилем коммуникации, который исследователи называют коммуникативным этностилем [21].

Речевой портрет *Президента США Барака Хуссейна Обамы* отличается сдержанностью, правильностью речи и умением производить впечатление на аудиторию (его называют блестящим оратором наравне с Мартином Лютером Кингом и Уинстоном Черчиллем). Тем более интересна ироническая маска, иногда им используемая. Можно обозначить ее как маску простодушного, открытого и бесхитростного человека, немного хвастливого:

Many of you know that I got my name, Barack, from my father. What you may not know is: Barack is actually Swahili for "That One". And I got my middle name from somebody who obviously didn't think I'd ever run for president. (Многие из вас знают, что я получил свое имя, Барак, от моего отца. Но, возможно, вы не знаете, что «Барак» на суахили означает «тот самый». А средним именем меня наградила кто-то, кто очевидно не знал, что я буду баллотироваться в президенты.) [Barack Obama, at the 2008 Al Smith Dinner].

It's been quite a year since I've spoken here last. Lots of ups, lots of downs, except for my approval ratings, which have just gone down. But that's politics, it doesn't bother me. Besides, I happen to know that my approval ratings are still very high in the country of my birth. (В последний раз я выступал здесь год назад. С тех пор много чего произошло — были взлеты и падения. Только мой рейтинг все время падает. Но это политика, меня это не беспокоит. Кроме того, мне известно, что там, где я родился, мой рейтинг по-прежнему очень высок.) [President Barack Obama, at the 2010 White House Correspondents' Dinner — <http://politicalhumor.about.com/library/bl-funny-obama-quotes.htm>].

В данных цитатах показное хвастовство соседствует с долей самоиронии — намеки на среднее имя Хуссейн (неприятная для американцев аналогия с Саддамом Хуссейном) и место рождения — Гавайи (штат США, весьма отдаленный от континента). Президент США явно использует ироническую маску, а не говорит всерьез. В вышеприведенных репликах, произнесенных в полуофициальной обстановке, маска простого, самодовольного человека вполне уместна, а ирония в его словах выполняет защитную функцию, предупреждая возможные нападки и «неудобные» вопросы со стороны прессы.

Любопытно, что нынешний Президент США нередко выдает нечаянные афоризмы, хотя термин «обамизм» пока не появился. В его случае это связано с путаницей в географии и недостатком знаний.

Например, на пресс-конференции в ноябре 2011 г. Барак Обама так говорил о Гавайских островах:

When I meet with world leaders, what's striking — whether it is in Europe or here in Asia... (Когда я встречаюсь с мировыми лидерами — неважно где: в Европе или здесь, в Азии, происходит поразительная вещь...)

Видимо, недостаточное знание географии — бич американских государственных деятелей. Это подтверждает еще одно высказывание Президента США (выступление во Франции в апреле 2009 г.), в котором он обнаруживает незнание того, на каком языке говорят в Австрии (на самом деле — на немецком, австрийского языка не существует):

It was also interesting to see that political interaction in Europe is not that different from the United States Senate. There's a lot — I don't know what the term is in Austrian — wheeling and dealing (Интересно заметить, что политические отношения в Европе не слишком отличаются от сената США. Здесь много скрытых механизмов — не знаю, как это называется по-австрийски).

Высказывания Обамы (так же, как и рассмотренные ниже «бушизмы») занимают почетное место на юмористических сайтах в Интернете, наряду со списком фактических ошибок в его речах. Например, известен факт, что в одной из речей он перепутал дату нападения на Перл-Харбор, в другой — упомянул, что посетил 57 штатов США (в действительности их всего 50).

Высказывания *бывшего Президента США Дж. Буша* пользуются большой популярностью в этой стране. Бушизмы — ненамеренные речевые ошибки Президента — старательно коллекционируют, выкладывают в Интернете и издают в виде книг, делая более популярным и самого Дж. Буша. Юмор в политической риторике американского Президента — неотделимая часть его имиджа.

Несмотря на то, что бушизмы являются источником насмешек над этим политиком (в них проявляется и узость кругозора, отсутствие знаний и непонимание понятий), именно благодаря им Президент обрел популярность. Сейчас он воспринимается больше как комическая фигура, а не как государственный деятель.

Уместно привести несколько фраз, официально произнесенных Дж. Бушем, но изначально не направленных на обеспечение иронического эффекта:

The most important job is not to be governor, or first lady, in my case (Самое главное не в том, чтобы быть правителем, или первой леди, как в моем случае);

More and more of our imports are coming from overseas... (Все больше нашего импорта прибывает из заграницы...);

Our enemies are innovative and resourceful, and so are we. They never stop thinking about new ways to harm our country and our people. And neither do we (Наши враги изобретательны и находчивы — и мы тоже. Они никогда не прекратят думать о новых способах навредить нашей стране и нашему народу — и мы тоже никогда) [http://www.guy-sports.com/months/funny_bush_moments.htm].

В данных высказываниях имеет место ненамеренная ирония, возникшая в одностороннем порядке, — не при производстве высказывания, а при его понимании

и интерпретировании. Двусмысленность, не являющаяся коммуникативной интенцией говорящего, становится явной при анализе высказывания. Многие фразы этого политика содержат ошибки — грамматические, лексические, стилистические, что создает комический эффект:

I think war is a dangerous place (Я думаю, что война — опасное место).

They misunderestimated me (Они меня неправильно недооценили).

I want to thank my friend, Senator Bill Frist, for joining us today. He married a Texas girl, I want you to know. Karyn is with us. A West Texas girl, just like me (Я хочу поблагодарить моего друга, сенатора Билла Фриста, за то, что он присоединился к нам сегодня. Я хочу, чтобы все знали — он женился на девушке из Техаса. Карен сегодня с нами — западно-техасская девчонка, как и я сам).

Rarely is the question asked: is our children learning? (Мы редко задаем себе вопрос: Учатся ли наши дети?)

We must focus on building an Iran that is capable of resisting Iranian influence (Мы должны приложить все силы к тому, чтобы создать Иран, способный противостоять иранскому влиянию). Возможно, именно это высказывание породило ставший знаменитым анекдот: Буш не знает, как правильно называется страна: Ирак или Иран?

The ambassador and the general were briefing me — the vast majority of Iraqis want to live in a peaceful, free world. And we will find these people and we will bring them to justice (Я провел брифинг с послом и генералом. По их заявлению, большинство жителей Ирака хотят жить в мире, в свободной стране. И мы найдем этих людей и призовем их к ответу). [Там же].

Речь Дж. Буша является богатым источником ненамеренной иронии. Мастерство, с которым он изобретал все новые «бушизмы», не отдавая себе в этом отчет, поразительно.

Еще одним ярким примером ненамеренной иронии в речевом портрете политика может служить личность *официального представителя госдепартамента США Дженнифер Псаки*. В своих речах эта дама часто испытывает затруднение при обсуждении острых тем, раздражается, когда журналисты задают «неудобные» вопросы, и демонстрирует отсутствие элементарных знаний в ряде областей. Например, в географии:

In the event of a Belarusian invasion of Ukraine, the 6th US Fleet will immediately be deployed to the shores of Belarus (В случае вторжения Белоруссии на Украину шестой флот США будет немедленно переброшен к берегам Белоруссии).

Эта серьезная угроза выглядит нелепой, учитывая тот факт, что у Белоруссии нет выхода к морю (заметим, что, если бы данная фраза была сознательно построенна согласно механизму сопоставления несопоставимого, она могла бы считаться удачной ироничной репликой с использованием иронии в функции снятия напряжения).

Другое высказывание госпожи Псаки, о потоках природного газа из Западной Европы через Украину в Россию, немедленно стало предметом насмешек в СМИ. То, что она тут же исправилась и уточнила, что газ все-таки поступает в обрат-

ном направлении — из России через Украину в западную Европу — не спасло ее репутацию:

And what that means is there are flows of gas, of natural gas I should say, that go through, from Western Europe through Ukraine to Russia, and we—or I'm sorry, the other way — from Russia through Ukraine to Western Europe.

Такие значимые ошибки политикам непростительны, особенно если эти политики не умеют посмеяться над собственными оговорками. Возможно, если бы госпожа Псаки употребляла в своих речах долю самоиронии, в частности, в подобных щекотливых ситуациях, ее имидж не пострадал бы так сильно. Известны ситуации, когда ироническая маска «глупой блондинки» весьма позитивно отражалась на имидже популярных дам (подробнее о маске глупой блондинки см. [5. С. 167—169]). Напротив, сочетание слишком серьезного отношения к себе и неумения себя подать в случае госпожи Псаки явилось поводом для едких комментариев и насмешек. Так, российские политические обозреватели называют Псаки синонимом глупости и некомпетентности, а политическая сатира немедленно откликнулась созданием песни, посвященной этому государственному деятелю. На мотив популярной детской песенки: «Преданной собаки нету существа» возникла следующая пародия:

*Это знает всякий,
Это не слова:
Компетентней Псаки
Нету существа.
Симпатичней Псаки
И умнее Псаки,
Компетентней Псаки
Нету существа.*

Любопытно, что в данной пародии фамилия политика обыгрывается как слово, созвучное русскому «пес», что сохраняет смысловую связь с оригинальной версией и в то же время является острой сатирой. Кроме того, слово «существо», применяемое к собаке в изначальном тексте, в отношении человека звучит уничижительно. Эксплицитная ирония на тему компетентности и ума не оставляет сомнений в негативном отношении авторов пародийного текста к его объекту.

Российская политическая сатира настолько увлеклась насмешками в адрес госпожи Псаки, что американские СМИ сочли необходимым защитить от нападок своего государственного деятеля, объясняя эту тенденцию идеологическими разногласиями:

Psaki "has become a stigmatizing catch-all term for everything Russians dislike about US foreign policy (especially America's involvement in Ukraine). And Russians' Psaki-mania is still growing. On June 2, the pro-Kremlin website Odnako published a blog post titled, "Brave New World, or the Psaki Problem," where the author quoted Futurist poet Mayakovsky to assert that Jen Psaki, the "archetypical fool," is the culmination of a problematic Western view of the world. Elsewhere on the Internet, there is a new Russian verb: "psaknut" ("to Psaki" or "Psakiing"), which means roughly "to say something stupid with

an air of cleverness” («Псаки» превратилась в обличительный термин, определяющий все, что русским не нравится в американской внешней политике (особенно вмешательство американцев в украинский конфликт). Русская Псаки-мания все возрастает. 2 июня про-кремлевский вебсайт „Однако“ опубликовал блог под названием „Смелый новый мир, или Псаки-проблема“, где автор цитирует поэта-футуриста Маяковского, утверждая, что Джен Псаки, «архитипичная дура», является кульминацией проблематичного западного взгляда на мир. В Интернете появился новый русский глагол «псакнуть» (от английского “to Psaki”, значение которого — «сказать глупость с умным видом») [<http://globalvoicesonline.org/2014/06/05/jen-psaki-the-russian-internets-public-enemy-no-1/#>].

Обратимся к портретам британских политических деятелей.

Выдающимся и искусным оратором, по мнению самих британцев, можно назвать действующего *премьер-министра Дэвида Кэмерона*. Его речи убедительны, эмоциональны, грамотно построены и содержат множество мощных аргументов для защиты позиции говорящего. Этот оратор широко использует иронию, даже если его выступления касаются очень серьезных тем. Иногда Кэмерон прибегает к упрощению, используя иронический механизм открытия очевидной истины:

I have to say to our Prime Minister: if you treat people like fools, you don't deserve to run the country let alone win the election (Я вынужден сказать нашему премьер-министру: если вы обращаетесь с людьми как с дураками, вы не заслуживаете того, чтобы руководить страной, не говоря уже о том, чтобы одержать победу на выборах) [http://conservativehome.blogs.com/torydiary/files/david_cameron_text.pdf].

Провозглашение понятной всем истины, а также использование разговорного слова *fool*, выполняют функцию сближения оратора с аудиторией, делают говорящего ближе и понятнее для избирателей, что дает ему преимущество в борьбе с противником. Насмешливое прозвище, придуманное Кэмероном для своего предшественника (*analogue politician in a digital age* — аналоговый президент в век цифровых технологий [<http://www.telegraph.co.uk/news/politics/10683210/Meme-too-David-Cameron-wades-into-Twitter-war-of-the-wags.html>]), содержит язвительную иронию и намек на безнадежную отсталость Г. Брауна от современности.

В своих насмешках над оппонентами премьер-министр использует и сквернословие. Ярким примером может служить язвительная ироническая метафора Дэвида Кэмерона в адрес своего противника Милибанда:

Is he child of Thatcher or son of Brown? (Он ребенок Тэтчер или сын Брауна?) [YouTube. PMQ 1.12.10 David Cameron to Ed Miliband].

Вопрос о приверженности определенным политическим взглядам содержит игру слов: *son of Brown* созвучно *son of the bitch* — грубому оскорблению.

За свой нелестный отзыв о пишущих в твиттере премьер-министру даже пришлось извиняться:

Too many twits might make a twat (Когда собирается слишком много кретинов, может получиться х...ня) [<http://www.telegraph.co.uk/news/politics/10683210/Meme-too-David-Cameron-wades-into-Twitter-war-of-the-wags.html>].

Здесь имеет место игра слов — созвучие *twit* и *twat*, а также *twit* и *twitter*. Как видим, этот оратор не гнушается обценной лексикой и свободно владеет

механизмом использования лексики сниженного регистра для создания иронического эффекта.

Фирменным знаком речевого образа Д. Кэмерона можно назвать самоиронию. Она вплетается в его речи весьма органично и выполняет защитную функцию:

There is a network on Facebook called "David Cameron is a hottie". It's got 74 members. I looked a little further and there is another network called "Am I the only person who doesn't like David Cameron?" and there are 379 members. I am sure there is nobody here today (На Фейсбуке есть чат под названием «Дэвид Кэмерон — крутой». Там 74 участника. Я посмотрел другие чаты и обнаружил еще один, под названием: «Я единственный, кому не нравится Дэвид Кэмерон?» Там 379 участников. Но я уверен, что сегодня никого из них здесь нет.) [http://conservativehome.blogs.com/torydiary/files/david_cameron_text.pdf].

В данном случае говорящий использует маску самоуверенного человека (об иронических масках подробнее см. [7]), выражая притворную уверенность в том, что аудитория состоит сплошь из его сторонников.

Рассмотрим портрет другого блестящего ироничного оратора — британского политика *Дэниела Хэннэна*. Его имидж — язвительный, агрессивный, непримиримый к оппонентам борец за свои взгляды. Не случайно несколько лет назад ему грозило исключение из консервативной фракции Европейской народной партии (ЕНП) за неуместное упоминание нацистской Германии на заседании Европарламента (по сообщению газеты «Известия» 1.02.2008). Это заявление вызвало самую жесткую реакцию европейских парламентариев. Его расценили как «недопустимое и противоречащее элементарной парламентской этике» [<http://izvestia.ru/news/417610#ixzz3W9VQB1Pc>]. Впрочем, этот инцидент несколько не смутил политика, а наоборот, укрепил его образ как жесткого и бескомпромиссного оратора. Д. Хэннен намеренно использует в своих выступлениях едкую иронию:

Belgium was without a government for two years and they worked brilliantly... tragically now Belgium has the government and the first thing that happened is that they were back to a series of massive general strikes (Бельгия два года жила без правительства, и все было прекрасно... какая трагедия, что сейчас в Бельгии есть правительство! Первое, что случилось — это то, что снова начались массовые забастовки) [YouTube. Conservative British politician Daniel Hannan speech at CPAC (conservative political action conference. 12.02.12)].

Здесь мы наблюдаем прием иронического абсурдного вывода, представляющего ситуацию в комичном свете. Насмешка звучит в рассказе Хэннэна о впечатлении от посещения США:

Yesterday I went to the Lincoln memorial, to the Jefferson memorial, I went to the Washington monument and I was confused because there isn't a picture or the statue of Washington... the first thing I saw was a monument to Bill Clinton (Вчера я посетил мемориал Линкольна, мемориал Джефферсона и памятник Вашингтону. Я был удивлен: там нет ни портрета, ни памятника Вашингтону... первое, что я увидел, был памятник Биллу Клинтону) [Там же].

Это — редкий для Хэннэна пример мягкой иронии, используемой в развлекательной функции. Механизм иронии в данном случае — ирония парадокса (*Wash-*

ington monument — monument to Bill Clinton). А вот горькое сожаление о политической ситуации в Великобритании, особенно в сравнении с Америкой:

If it were in the UK we would be grumbling: the world is not the place we conservatives would like it to be. Our values are reduced, our patriotism is mocked and scorned, our treasures are emptied. There are plenty of things to be angry about and it is the real danger but the wonderful thing about American politicians is being focused on how we get out of this (Если бы мы сейчас были в Великобритании, мы бы ворчали, что современный мир не таков, каким мы, консерваторы, хотели бы его видеть. Наши ценности принижены, над нашим патриотизмом глумятся, наше достояние опустошено. Многое приводит в негодование, и в этом заключается опасность. Как прекрасно, что американские политики озабочены только тем, как исправить положение) [Там же].

В данном высказывании Д. Хэннен с насмешкой цитирует слова своих коллег в британском парламенте, прибегая к иронической гиперболе (на самом деле парламентарии не только жалуются и критикуют создавшуюся обстановку, но иногда и предлагают пути решения вопроса).

Политик не скрывая рассказывает о своих неудачах, с долей юмора:

I often make speeches that make me unpopular, but I struggle to think of one that would make me more popular... (Я часто произношу речи, которые делают меня непопулярным, и мне с трудом удается придумать нечто, что добавило бы мне популярности...)

Свое выступление государственный деятель продолжает рассказом о своем скандальном высказывании на саммите в Брюсселе:

Speaker after speaker rose up and said: "Israel is behaving disproportionately". And I said: "What would the honourable members consider proportionate? Would they prefer it if Israel took an equivalent amount of bombs and rain it randomly on Gaza? Would that be proportionate? And there was the longest and the worst silence there has ever been. (Каждый выступающий вставал и говорил: «Израиль ведет себя неадекватно». И я спросил: «А что уважаемые присутствующие считают адекватным поведением? Может быть, они бы предпочли, чтобы Израиль взял такое же количество бомб и сбросил их по сектору Газа? Это было бы адекватным?») И наступило такое длинное и тягостное молчание, которого никогда еще не было) [YouTube Daniel Hannan MEP, Brussels, 2013].

Здесь присутствует ирония нарушения коммуникативных ожиданий собеседников (неожиданное и абсурдное предложение о бомбардировке) в сочетании с иронической гиперболой. В данной речи наблюдается открытое желание политика не только говорить о собственных неудачах и смеяться над собой, но и стремление эпатировать публику, создать себе имидж эксцентричного и непредсказуемого оратора. Дэниэлу Хэннену это вполне удается: даже его политические противники признают его успех как государственного деятеля и уважают за открытость и прямоту. Этому немало способствует умение оратора иронизировать.

Как видим, не все ораторы отличаются вежливостью и корректностью. Речевой портрет резкого и критически настроенного политика представляет собой не меньший интерес.

Ироничность, являющаяся характерной особенностью стиля английской коммуникации (подробнее см. [5]), распространяется и на политический дискурс. Иронические высказывания естественным образом вливаются в речь политиков и украшают ее. При этом ирония может выполнять различные функции и использовать разнообразные механизмы построения высказывания.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная задача политического дискурса — влияние на собеседника и, в конечном итоге, на народные массы, формирование общественного мнения. Политический дискурс неоднороден и включает в себя разнообразные речевые жанры. Публичное выступление — один из лучших способов для политика заявить о себе и создать определенный имидж. Здесь большую роль играют правильный выбор и грамотное использование языковых средств и стилистических приемов.

Ирония занимает важное место в речевом портрете современного политика. В современной политической коммуникации, где большую роль играет развлекательная составляющая, ирония выполняет разные функции — выражение насмешки, защитную функцию, функцию снятия напряжения и оптимизации межличностных отношений и т.д. Среди механизмов иронии в политической речи наиболее популярны сопоставление несопоставимого, двусмысленность, неожиданная смена стилового регистра и др.

Ироничность характерна для речевых портретов как российских, так и английских и американских политиков, но имеет свои этностилистические особенности. Для индивидуалистических культур с незначительной вертикальной дистанцией (английская, американская) применение иронических, самоиронических, саркастических высказываний актуально и естественно. Одна из составляющих иронии — это индивидуализм, стремление разрушить устоявшиеся правила и нормы, проявление гибкости в оценках, самовозвышение. Для русской коллективистской культуры ирония менее органична, хотя речи современных российских политиков содержат достаточное количество примеров ее употребления.

Популярность политика не всегда напрямую связана с его умением грамотно и литературно выразить свою мысль. Иногда эта зависимость обратно пропорциональна: чем больше нарушение нормы речи, чем грубее ошибки, тем выше узнаваемость политического деятеля, тем лучше его помнят. Однако не следует воспринимать такое соотношение как руководство к действию. Возможно, образ клоуна на политической арене и пользуется популярностью, но доверием избирателей — вряд ли.

Что касается иронии, то она занимает в речевом образе современного политика значимое место. В речах политических деятелей имеют место как иронические заготовки, так и экспромты, более того — часты случаи ненамеренной, случайной иронии. Как показал анализ материала, успешного политика отличает хорошее чувство юмора и сознательное употребление иронии. Умелое использование иронии, знание ее механизмов и закономерностей позволяет сделать речь го-

сударственного деятеля яркой, обращенной и убедительной. Ирония часто полезна, а иногда необходима для обоснования своей позиции и завоевания доверия аудитории. Это касается как русского, так и английского, и американского политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеевский М.Д.* Анекдоты от Зюганова // Антропологический форум. 2010. Т. 12. С. 1—36. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2010_12/09.pdf.
- [2] *Базылев В.Н.* Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. Вып. 15. С. 5—32.
- [3] *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
- [4] *Гаврилова М.В.* Лингвистический анализ политического дискурса. 2002. URL: <http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
- [5] *Горностаева А.А.* Ирония как компонент английского стиля коммуникации. Монография. М.: ИПЦ «Маска», 2013.
- [6] *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры).
- [7] *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
- [8] *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- [9] *Кожемякин Е.А.* Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 52—56.
- [10] *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 2007. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/11/krongauz.html>.
- [11] *Михалева О.Л.* Политический дискурс: способы реализации агональности. 2004. URL: <http://www.rus-lang.com/nir/conference/-14k>.
- [12] *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика // Общие проблемы, метафора. Учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.
- [13] *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008.
- [14] *Шейгал Е.И.* Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во СГАП, 2000. Вып. 6.
- [15] *Alba Juez L.* Irony and politeness // Revista Espanola de Linguistica Aplicada. Asociacion Espanola de Linguistica Aplicada. Volumen 10-1994-95. P. 9—16.
- [16] *Alba-Huez L.* Irony as Inferred Contradiction // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 140—153.
- [17] *Blank T.J.* The Last Laugh. Eurospan, 2013.
- [18] *Bilig M.* Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005.
- [19] *Fialkova L., Yelenevskaya M.* In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. Tartu ELM Scholarly Press 2013.
- [20] *Giora R.* On our mind: Salience, context, and figurative language. New York: Oxford University Press, 2003.
- [21] *Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics. 2015. 7. P. 195—215.
- [22] *Lewis P.* Cracking up. American humour in a time of conflict. The University of Chicago Press, 2006.
- [23] *Pocock J.* The concept of a language and the metier d'historien: Some considerations on practice // A. Pagden ed. The languages of political theory in early — modern Europe. Cambr. etc.: Cambr. University Press, 1987. P. 19—38.
- [24] *Schutz C.E.* Political humour from Aristophanes to San Ervin. Assosiated University presses, London 1977. URL: https://books.google.com.tr/books?id=Q7i40PY6AzgC&printsec=frontcover&hl=tr&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

THE PLACE OF IRONY IN THE SPEECH PORTRAIT OF A MODERN POLITICIAN

A.A. Gornostaeva

General translation department
Faculty of intercultural communication
Moscow state linguistic university
Ostozhenka str., 38, Moscow, Russia, 119034

The article is devoted to the usage of irony in modern political discourse. Public speeches of modern Russian, English, and American politicians and political interviews served as material for the research. The aim of the research was to find out if irony is acceptable in political discourse and examine its influence on the speech portrait of a politician. The author's conclusion is that irony is acceptable, useful, and sometimes necessary in modern political discourse. Political debates in the modern world tend to look like talk-shows, and political information acquires the form of entertainment. This presupposes the usage of irony and humor in political discourse. Politicians use ready-made ironic utterances, as well as those created on the spot. There are also cases of unintended irony. Skillful usage of ironic mechanisms makes political speech vivid, audience-oriented, and convincing. Irony helps to put across one's message and win the trust of the audience. This holds true for Russian as well as for English and American discourse.

Key words: irony, humor, politician, political discourse, speech portrait.

REFERENCES

- [1] *Alexeevskiy M.D.* Anekdoty ot Zyuganova. *Antropologicheskij forum*, 2010. Tom 12. S. 1—36. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2010_12/09.pdf.
- [2] *Bazylev V.N.* Politicheskij diskurs v Rossii. *Politicheskaya lingvistika*. Vypusk 15. 2005. S. 5—32.
- [3] *Baranov A.N., Kazakevich Y.G.* Parlamentskiye debaty: traditsii i novatsii. M.: Znaniye, 1991.
- [4] *Gavrilova M.V.* Lingvisticheskij analiz politicheskogo diskursa. 2002. URL: <http://www.polytanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
- [5] *Gornostaeva A.A.* Ironiya kak component angliyskogo syilya kommunikatsii. Monografiya. M.: IPTS "Maska", 2013.
- [6] *Dementyev V.V.* Teoriya rechevykh zhanrov. M.: Znak, 2010. (Kommunikativnye strategii kulturi).
- [7] *Yermakova O.P.* Ironiya i yeyo rol v zhizni yazyka. Kaluga, KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2005.
- [8] *Karasik V.I.* Yazykovoy krug: lichnost', kontsepti, diskurs. M.: Gnozis, 2004.
- [9] *Kozhemyakin Y.A.* Proizvodstvo znaniya v politicheskom diskurse: sotsialno-epistemologicheskij vzglyad. *Politicheskaya lingvistika*, 2011. N 4(38). S. 52—56.
- [10] *Krongauz M.A.* Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 2007. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/11/krongauz.html>.
- [11] *Mikhalyeva O.L.* Politicheskij diskurs: sposoby realizatsii agonálnosti. 2004. URL: <http://www.rus-lang.com/nir/conference/-14k>.
- [12] *Chudinov A.P.* Politicheskaya lingvistika. *Obshchiye problemy, metafora*. Ucheb. posobiye. Yekaterinburg, 2003.
- [13] *Shakhovskiy V.I.* Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: Monografiya. M.: Gnozis, 2008.
- [14] *Sheigal Y.I.* Teatralnost politicheskogo diskursa. *Yedinitsi yazyka i ikh funktsionirovaniye: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Saratov: Izd-vo SGAP, 2000. Vyp. 6.
- [15] *Alba Juez L.* Irony and politeness. *Revista Espanola de Linguistica Aplicada. Asociacion Espanola de Linguistica Aplicada*. Volumen 10-1994-95. P. 9—16.
- [16] *Alba-Huez L.* Irony as Inferred Contradiction. *Вестник РУДН, серия Лингвистика*. 2014. N 4. С. 140—153.

- [17] *Blank T.J.* The Last Laugh. *Eurospan*, 2013.
- [18] *Bilig M.* Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005.
- [19] *Fialkova L., Yelenevskaya M.* In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. Tartu ELM Scholarly Press 2013.
- [20] *Giora R.* On our mind: Saliency, context, and figurative language. New York: Oxford University Press, 2003.
- [21] *Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (2015), P. 195—215.
- [22] *Lewis P.* Cracking up. American humour in a time of conflict. The University of Chicago Press, 2006.
- [23] *Pocock J.* The concept of a language and the metier d'historien: Some considerations on practice. A. Pagden ed. The languages of political theory in early — modern Europe. Cambr. etc.: Cambr. University Press, 1987. P. 19—38.
- [24] *Schutz C.E.* Political humour from Aristophanes to San Ervin. Assosiated University presses, London, 1977. URL: https://books.google.com.tr/books?id=Q7i40PY6AzgC&printsec=frontcover&hl=tr&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

© Горностаева А.А., 2016

Дата поступления в редакцию: 28.11.2015

Дата принятия в печать: 02.01.2016